

POLITICAL ACTIVITIES OF MUSTAFA CHOKAI
DURING THE PERIOD OF EMIGRATION TO FRANCE

Политическая деятельность Мустафы Чокая
в период эмиграции в Франции

მუსტაფა ჩოკაის პოლიტიკური მოღვაწეობა
საფრანგეთში ემიგრაციის პერიოდში

AIGUL KISTAUBAYEVA

Ph.D.,

Head of the Department for the Study of the History of Kazakhstan

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan

Almaty, Republic of Kazakhstan

ODCID: 0000-0002-0192-6214

e-mail: aigulkyst@mail.ru

tel.: 8 702 376 65 97

Abstract

Mustafa Chokai was the leader and creator of the first emigration Turkestan center in Paris. His goal was the creation of independent national statehood in Turkestan. Mustafa Chokai fought for the freedom of the Kazakh, Uzbek and other Turkic peoples, made every effort to reveal to the world public the hidden sides of the policy of the Bolsheviks in Soviet Russia in relation to non-Russian peoples. The creation of the Turkestan Legion from prisoners of war during World War II is associated with the name of Mustafa Chokai. It is the works of Mustafa Chokai that give an objective description of these processes, which have seriously damaged the historical consciousness of the people. For this reason, the need to study the political science heritage of Mustafa Chokai is a need of the time. Of greatest interest to historians is the mushroom of political activity of Mustafa Chokai in the ranks of the anti-Bolshevik movement "Prometheus", uniting in Europe the heads of national autonomies defeated by the Red Army from 1917 to 1921. The ideology of the Promethean movement was directed towards the formation of peoples fighting for national self-determination civic culture. The study revealed archival materials relating to the political activities of Mustafa Chokai in France.

Keywords: diaspora, Kazakhs, emigration, Turkestans, Mustafa Chokai, France, Alashordins, Kokand autonomy, intelligentsia.

АЙГУЛЬ КИСТАУБАЕВА

К.и.н.,

руководитель отдела по изучению истории Казахстана

Центрального государственного музея РК

г. Алматы, Республика Казахстан

ODCID: 0000-0002-0192-6214

aigulkyst@mail.ru

8 702 376 65 97

Аннотация

Мустафа Чокай был лидером и создателем первого эмиграционного туркестанского центра в Париже. Его целью было создание независимой национальной государственности в Туркестане. Мустафа Чокай боролся за свободу казахского, узбекского и других тюркских народов, приложил все усилия, чтобы раскрыть мировой общественности скрытые стороны политики большевиков в советской России по отношению к нерусским народам. С именем Мустафы Чокая связано создание «Туркестанского легиона» из военнопленных во время Второй мировой войны. Именно труды Мустафы Чокая дают объективную характеристику этим процессам, нанеся серьезный ущерб историческому сознанию народа. По этой причине необходимость изучения политологического наследия Мустафы Чокая, является потребностью времени. Наибольший интерес для историков представляет опять политической деятельности Мустафы Чокая в рядах антибольшевистского движения «Прометей», объединившего на территории Европы глав национальных автономий, разгромленных Красной армией в период с 1917 по 1921 г. Идеология прометеевского движения была направлена на формирование у борющихся за национальное самоопределение народов гражданской культуры. В ходе исследования были выявлены архивные материалы, касающиеся политической деятельности Мустафы Чокая во Франции.

Ключевые слова: диаспора, казахи, эмиграция, туркестанцы, Мустафа Чокай, Франция, алашординцы, Кокандская автономия, интеллигенция.

აიგულ კისტაუბაევა

ისტორიის დოქტორი,

ყაზახეთის ცენტრალური სახელმწიფო მუზეუმის

ყაზახეთის ისტორიის განყოფილების ხელმძღვანელი

ყაზახეთის რესპუბლიკა, ქ. ალმა-ატა

ODCID: 0000-0002-0192-6214

aigulkyst@mail.ru

8 702 376 65 97

აბსტრაქტი

მუსტაფა ჩოკაი იყო პარიზში თურქესტანის პირველი ემიგრაციული ცენტრის ლიდერი და შემოქმედი. მისი მიზანი იყო თურქესტანში დამოუკიდებელი ეროვნული სახელმწიფოებრიობის შექმნა. მუსტაფა ჩოკაი იბრძოდა ყაზახების, უზბეკების და სხვა თურქი ხალხების თავისუფლებისთვის, ყველა ღონეს ხმარობდა, რომ მსოფლიო საზოგადოებისთვის გამოემჟღავნებინა საბჭოთა რუსეთში ბოლშევიკების პოლიტიკის ფარული მხარეები არარუსულ ხალხებთან მიმართებაში. მეორე მსოფლიო ომის დროს

სამხედრო ტყვეებისგან თურქესტანული ლეგიონის შექმნა დაკავშირებულია მუსტაფა ჩოკაის სახელთან. მუსტაფა ჩოკაის ნაწარმოებები ობიექტურად აღწერს იმ პროცესებს, რამაც სერიოზულად დააზარალა ხალხის ისტორიული ცნობიერება. ამ მიზეზით, მუსტაფა ჩოკაის პოლიტოლოგიური მემკვიდრეობის შესწავლა დროის მოთხოვნაა. ისტორიკოსებისთვის ყველაზე საინტერესოა მუსტაფა ჩოკაის პოლიტიკური საქმიანობა ანტიბოლშევიკური მოძრაობის "პრომეთეს" რიგებში, რომელიც ევროპაში აერთიანებდა წითელი არმიის მიერ დამარცხებული ეროვნული ავტონომიების მეთაურებს 1917-1921 წლებში. პრომეთეური მოძრაობის იდეოლოგია მიმართული იყო ხალხის სამოქალაქო კულტურის ჩამოყალიბებაზე, რომლებიც იბრძოდნენ ეროვნული თვითგამორკვევისთვის. კვლევამ გამოავლინა საარქივო მასალები, რომლებიც ეხებოდა საფრანგეთში მუსტაფა ჩოკაის პოლიტიკურ საქმიანობას.

საკვანძო სიტყვები: დიასპორა, ყაზახები, ემიგრაცია, თურქმანელები, მუსტაფა ჩოკაი, საფრანგეთი, ალაშორდინელები, კოკანდის ავტონომია, ინტელიგენცია.

Методологической основой данного исследования служит историко-диалектический подход, разработанный многочисленными отечественными и зарубежными исследователями, основанный на принципе историзма, включающем в себя анализ объекта исследования в нашем случае – деятельность Мустафы Чокая во Франции. Данный подход подразумевает объективно-исторический анализ конкретных фактов, определявших характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку доступных исторических источников и литературы. Выполнение данной работы опирается на применение разнообразных методов исследования: сбора архивных и литературных данных, их анализа и научной обработки, а также научной интерпретации и презентации полученных результатов. В статье использованы общепринятые методы научного исследования: анализ и синтез, а также собственно исторические: хронологический, сравнительно-исторический (или компаративный).

Введение. Жизнь и деятельность Мустафа Чокай-Бея, (25.12.1890 - 27.12.1941) пришлось на перелом эпох, совпала с периодом бурных социальных потрясений страны. Он был единственным представителем Алашской интеллигенции, которому удалось спастись от большевистского террора, эмигрировавший из Тифлиса (Тбилиси) в Турцию, а затем в 1921 году в Париж. Не повторяя исследования, посвященные жизни и деятельности Мустафы Чокая [Есмагамбетов, 2008: 189; Кара, 2004: 158], хотелось бы сразу перейти к причинам и последствиям его эмиграции во Францию.

В 1917 г. из Петрограда Мустафа Чокай вернулся в Туркестан, сначала в Оренбург, а затем в Ташкент. 28 ноября 1917 г. IV Чрезвычайный Всетуркестанский (краевой) мусульманский съезд в Коканде провозгласил автономию Туркестана. На этом съезде Мустафа Чокай был избран сначала членом правительства, а затем премьер-министром [ЦГА, коробка 1, Д. 8. Л. 9; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости, 2000: 81-82]. Авторы коллективной монографии «Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости» о деятельности Мустафы Чокая на посту премьер-министра Туркестанской автономии пишут следующее: «Новое руководство действительно начало действовать более активно. М. Чокаев, заняв пост главы Временного правительства, стремился консолидировать узбеков, казахов и киргизов под эгидой возглавлявшегося им правительства. Однако лидеры «Алаш Орды» прохладно отнеслись к этим попыткам» [Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости, 2000: 99]. Думается, что идея консолидации туркестанского общества была истинным намерением Чокая, что и подтверждалось не только в его деятельности в Коканде, но и в его последующих работах, написанных в эмиграции.

9 декабря 1917 г. члены партий узбекской национальной буржуазии, большей частью объединенные в «Шуро-и-Исламия», представители интеллигенции-джадиды, клерикалы из партии «Шуро-и-Улема», члены партий меньшевиков, кадетов, эсэров, представители руководства Белого движения, собравшиеся на 4-ый съезд Центрального Туркестанского Национального Совета, провозгласили автономию Туркестана. Избранное съездом правительство автономии, вошедшей в историю края и демократического движения под названием Кокандской, возглавил видный общественно-политический деятель Мустафа Чокай¹ [ЦГА, Ф. 1, Д. 8 (а). Л. 15].

Несмотря на короткий срок существования, Кокандская Автономия стала столь значимым явлением в жизни и истории народов нынешней Центральной Азии; ее идеи и образ так долго вдохновляли борцов за национальную независимость, против большевизма, что на уничтожение документов и физическую ликвидацию всех, связанных с ее созданием и защитой, на замалчивание самого этого факта громадного общеисторического значения, а впоследствии и на фальсификацию истории Кокандской Автономии, большевики потратили не одно десятилетие. Кокандская автономия уже впервые дни существования была признана великими державами, по праву видевшими в ней первую в истории Туркестана демократическую республику, независимую от большевистской России [ЦГА, Ф. 1, Д. 8. Л. 12].

Примечателен тот факт, что в правительстве Кокандской Автономии одна треть мест принадлежала представителям русской буржуазии и российских политических партий, что уже само по себе говорит об объективности советской исторической науки, именовавшей Кокандскую Автономию не иначе, как «националистическая». Заметим попутно, что самым веским аргументом большевистской пропаганды против Кокандской Автономии было: «прикрываясь лозунгом автономии, ...хотели восстановить частную собственность на землю и средства производства [ЦГА, Ф. 1, Д. 8. Л. 3].

Правительство Мустафы Чокая было свергнуто 5 (18) февраля 1918 г., власть в Автономии захватил Эргаш [Яш Туркестан, 1949-1950: 106]. А через несколько дней Кокандская автономия была разгромлена отрядами Красной Армии.

Как пишет К.Л. Есмагамбетов, Мустафа не мог долго скрываться вдали, освободившись из плена Эргаша, он тайно прибыл в Ташкент, встречался с лидерами национально-освободительного движения, обсуждая с ними возможности продолжения дальнейшей борьбы, рассматривал возможности получения поддержки на родине и за ее пределами. Похоже, что в ходе этих переговоров были приняты решения о переводе денежных средств М. Чокая, предназначенных для Туркестана из банков Оренбурга и Омска за границу и об его выезде в Соединенные Штаты Америки [Есмагамбетов, 2008: 159].

В апреле 1918 года М. Чокай был приглашен в Самару на встречу участников Учредительного собрания. 1 мая 1918 г. М. Чокай под чужой фамилией в сопровождении жены покидает Ташкент, посещает Челябинск, Уфу Уральск, Самару, и затем выезжает на Кавказ [Есмагамбетов, 2008: 161]. В 1919 г. Мустафа Чокай решается на политическую эмиграцию через Баку и Тифлис. Некоторое время он там проживает.

Как пишет К.Л. Есмагамбетов, М. Чокай в Баку, Ашхабаде и Тбилиси, встречаясь с дипломатическими и военными представителями Западных стран, старательно изучал их взгляды на Туркестанский вопрос. 21 февраля 1919 года, через представителя Французского правительства в Баку, он направил радиотелеграмму на Версальскую конференцию, обращаясь к Европейским государствам с просьбой оказать военную помощь для

---

¹ В ноябре 1917 IV съездом было принято решение об образовании Кокандской автономии где в начале возглавил Тынышпаев, а в 1918 г. – Мустафа Чокай. Где он выдвинул идею об объединении всего Туркестана в автономную республику. 30 апреля 1918 г. была провозглашена Кокандская автономия.

освобождения Туркестана от большевиков. Позже текст телеграммы был опубликован в журналах «Orient et Occident», «Promethée» [Есмагамбетов, 2008: 175].

На обстановку в Туркестане обращают внимание и во Франции. В конце 1919 года представитель французской миссии на Кавказе майор де Нонанкур в докладе военному министру Франции сообщает, что председатель Комитета по Созыву Туркестанского Учредительного собрания М. Чокай хорошо осведомлен о сложившейся политической ситуации [ЦГА, Ф 1. Д. 4. Л. 10].

М. Чокай, понимает независимость Туркестана и Кавказских республик как взаимосвязанную, единую проблему. Поэтому, он позицию Западных держав относительно Азербайджана или Грузии не отделяет от Туркестана. В общем, он убеждается в том, что союзные державы в действительности не берут под защиту ни Кавказские страны, ни Туркестан [ЦГА, Ф. 1, Д. 4. Л. 11].

Находясь в Баку, Мустафа направил телеграмму в Париж представителям стран востока, собравшимся на Версальском конгрессе, по поводу обеспечения реализации свобод Туркестанских народов в рамках Российской демократической федеративной республики. Уже тогда М. Чокай начал понимать, что, удерживая курс на русскую демократию, вряд ли Туркестанские народы смогут добиться самоуправления [Есмагамбетов, 2008: 193].

28 апреля 1920 года в газете «Грузия» под псевдонимом «Я» была напечатана его статья «Национальный вопрос в Туркестане и международные отношения». Статья дается в форме сообщения председателя Комитета по Созыву Туркестанского Учредительного собрания. Этот материал был написан на основе интервью журналистам, данного М. Чокаем вместе с В.А. Чайкиным. В ней М. Чокай, говорит: «Обычно, сущность национальной проблемы ограничивается задачами национального меньшинства, а в Туркестанской обстановке мы встретились с обратным явлением. Здесь вопрос о правах национального большинства» [Садыкова, 2002: 195]. М. Чокай, боролся за свободу не только казахского, узбекского и др. тюркских народов, но и за свободу всех Кавказских народов, он приложил все усилия, чтобы раскрыть общественности скрытые стороны двуличной Российской политики. Вторжение советских войск в страны Кавказа, поставило последнюю точку в смутных сомнениях и взглядах М. Чокая на политическую борьбу [ЦГА, Ф. 1. Д. 7. Л. 6].

Интересно высказывание доктора Тахира Чагатая по поводу эмиграции Мустафы Чокая в Западную Европу, напечатанное в юбилейном номере «Яш Туркестан», посвященного 60-летию со дня рождения и к 8-летию со дня смерти главы Кокандской автономии: «Русские большевицкие организации, в руках которых оказались сильные гарнизонные формации царской эпохи, легко одержали верх над военными силами Национального Туркестана, которые только что организовались. Таким образом, Тюркская Национальная борьба Туркестана, начавшаяся против царской России, вылилась в движение против Большевицкой России [ЦГА, Ф. 4. Д. 2. Л. 3].

Туркестанские националисты, рассмотревшие детально эту последнюю форму положения, почувствовали необходимость, переправив главу их правительства за границу, превратиться в такую организацию борьбы, голос которой смог бы быть услышанным и за границей и которая сумеет встать на его защиту в свободном мире. И вот таким образом пробравшийся в Европу через Кавказ и Истамбул и поселившийся в Париже Мустафа Чокай первым долгом обратился к Версальской Конференции. Начавшаяся таким образом деятельность вне родной страны продолжалась 20 с лишним лет» [Яш Туркестан, 1949-1950: 22].

Одной из главных причин того, что М.Чокай не остался в стране, стало то, что со становлением Советской власти укреплялась тоталитарная полицейская система, запрещающая любое демократическое движение.

Туркестанская национальная организация в начале февраля 1921 г. Мустафе Чокаю предложила: 1) принять участие в работе совета членов Учредительного собрания. 2) поездку в Париж с целью ознакомить демократическую общественность Западной Европы и Америки, вместе с тем представителей мусульманских стран в Европе, Индии, Китае и др. с положением в Туркестане. После того, как его друзья обсудили возможные варианты, они пришли к выводу о том, что пребывание М. Чокая за границей делу освободительной борьбы гораздо полезней, поэтому советуют ему оставаться в Париже [Есмагамбетов, 2008: 207-208].

После разгрома Грузинской Республики Мустафа Чокай уезжает за границу. В марте 1921 года М. Чокая и Марию Яковлевну в Париже встретил один из руководителей Казанских татар Фуад Тохтар, он здесь обосновался годом раньше. Весной 1921 года сразу по приезду в Париж, он знакомится со здешними русскими организациями. В то время в Париж приехало и обустроилось довольно много русских эмигрантов, среди которых были: бывшие руководители Временного правительства (А.Ф. Керенский, П.Н. Миллюков) и члены директории (Н.Д. Авксеньев, Н.В. Чайковский) и др. [ЦГА, Ф. 1, Д. 7. Л. 9].

Особенно Мустафа обращает пристальное внимание на решения социал-революционерами относительно вопросов автономии, принятые зарубежными, конституционными демократами и другими партиями. Доказательством тому служит хранение в его личном архиве копии протокола «совещания членов Учредительного собрания», проходившего 8-21 января 1921 года на пятидесяти одной странице. Возможно, этот документ М. Чокай получил по приезду в Турцию от встретившего его друга Фуада Тохтарова.

Несмотря на приезд в Париж, весной 1921 г., похоже Мустафа Чокай еще не принял окончательного решения в какой стране Западной Европы или в Соединенных Штатах Америки он остановиться и обоснуется. В 1922 году он и в Италии побывал, из-за нехватки средств шесть месяцев в 1923 году провел в Германии. В конце концов, Мустафа принял решение остаться в Париже, считавшемся столицей политической эмиграции, и обосновался в его окрестностях в городе Ножан. В дом Мустафы на улице Скар де ла Фонтен часто приезжали и туркестанские эмигранты, и иностранные ученые тюркологи [Чокай, 2001: 28].

Париже Мустафе Чокаю кажется удобным в любом отношении для продолжения политической деятельности. Только его волнует, насколько Западные страны интересуют Туркестанский вопрос, каково их представление о тюркских народах притесняемых большевиками. Дело в том, что в последние два-три года во взаимоотношениях с представителями Англии, Франции, Германии было достаточно моментов, которые вызвали его опасение. Если с одной стороны было известно, что эти страны издавна «жадно смотрели» на Центральную Азию, с другой стороны тревожили их действия, противоречившие позиции М. Чокая [ЦГА, Ф. 7, Д. 1. Л. 8].

Эмиграция Мустафы Чокая была вызвана необходимостью перехода к новой тактике и новой стратегии в национально-освободительном движении.

Живя в Париже, Мустафа Чокай развивал напряженную деятельность по объединению всех находящихся в эмиграции мусульман, прилагает все усилия для того, чтобы открыть глаза Западу на истинное положение дел. Он играл незаменимую роль в обществе «Дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины» [Садыкова, 2002: 26].

23 декабря 1923 г. в доме в Ножане Мустафу и Марию Чокай разыскал давний близкий знакомый, с которым вместе было пережито немало трудных времен национальной борьбы, А.-З. Валиди и башкирский ученый Абдулкадыр Инан. Недалеко от дома, где проживал М. Чокай в Ножан сюр Марне, расположились Садри Максуди, руководитель азербайджанского освободительного движения в городе Сен-Клу – Алимардан-бей Топчибаши [Чокай, 2001: 36].

Следует отметить, что в Стамбуле, Париже, Берлине, Варшаве и других городах Европы были и другие группы людей, образующих «тюркскую среду» приехавшие в разное время для политической борьбы, с похожими судьбами и едиными задачами. Это были: Гаяз (Аяз) Исхаки, Мустафа Векилли, Осман Токымбетов, Закир Кадыри, Бари Баттал, Омар (Гумер) Терегулов, Агдаш Нигмати, Адрахман Шафеев (Шафи Алмас), Алимжан Идриси, Сабир Расул, Февзи Тогай, Ахмет-Султан Тагиров и др. Тюркские эмигранты, приехавшие в Турцию, Германию, Францию и другие страны ждали от западной демократии если не военной, то хотя бы моральной поддержки [Есмагамбетов, 2008: 211].

В западных странах М. Чокай, А.-З. Валиди, А. Топчибаши, Г. Исхаки и С. Максуди воспринимались, как знатоки истории и культуры тюркских народов, находящихся в составе Советского Союза. Поэтому в их домах бывали известные французские ученые П. Пелио, Э. Блоше, Г. Ферранд, английские профессора Эдвард Браун, Денисон Росс. В Германии М. Чокай был хорошо знаком с профессором Восточного института при Берлинском Университете Герхардом фон Менде, с тюркологом Аннермари фон Габен [ЦГА, Ф. 1, Д. 7, Л. 11].

Сразу по прибытии в Париж, он наладил связи с этими людьми, в особенности с работавшим в министерстве иностранных дел Франции, давним знакомым историком, археологом, этнографом Жозефом Кастанье.

Давнее знакомство со многими тюркскими, русскими эмигрантами в Париже и Берлине М. Чокаю, дало возможность сразу же приступить к политическим делам [Кара, 2004: 98].

Находясь на чужбине, Мустафа Чокай считал важнейшей целью своего бытия привлечение внимания мировой общественности к событиям, происходившим в советском Туркестане. Он писал статьи о тяжелом положении туркестанских народов [Чокаев Мустафа, 1928: 237] и научные заметки об историческом прошлом Туркестана [Мендикулова, 2006: 128], публично выступал с лекциями и в прессе. За годы эмиграции с июля 1918 г. до сентября 1931 г. М. Чокаем было написано более 117 статей, напечатанных в журнале «Жана Туркестан» в Стамбуле. В Берлине он открыл печатный орган «Яш Туркестан», выходивший в 1929-1939 гг.

15 марта 1923 года М. Чокай, направляет материал с объемным обзором политики России и политической обстановки в Туркестане депутату французского парламента Жео Жеральду. Подготовленный по просьбе французского депутата, документ состоит из двух частей, к документу был приложен вариант, переведенный с русского на французский язык. В этом материале, под названием «Задачи и направления Туркестанского национального движения», Мустафа изложил: предпосылки провозглашения Туркестанской автономии и ее подавление большевиками; лживость лозунгов Советской власти о праве на самоуправление для всех народов, входивших в состав старой Российской империи; что полтора миллиона мусульман стали жертвами гонений, голода, упадка промышленности. Вместе с тем, он отметил, что политика Советской власти относительно Туркестана и Казахской земли таит угрозу для всех Восточных народов, отметил важность создания национально-освободительными силами в Туркестане необходимых условий для построения заирлы национально-демократического государства [Есмагамбетов, 2008: 212].

Как отмечает К.Л. Есмагамбетов, М. Чокай не впадал ни в тюркизм, ни в исламизм, проявил себя как деятель, ратующий за основание заирлы демократического государства. Мустафа считал к независимости можно прийти не только с помощью внешних сил, но и в результате организации внутри самой страны, именно поэтому руководители Туркестанского национального движения в тяжелый период 1918 года не обратились за помощью к Турции

В политической жизни Франции приезд в Париж такой видной личности как Мустафа не остался незамеченным. В министерстве Иностранных дел была составлена его

характеристика и представлена руководству. В частности, в ней отмечается его «честность и точность в оценке политической обстановки, и, что его в Европу приехал по поручению Туркестанских национальных организаций».

Есть все основания полагать, что этот документ был подготовлен Жозефом Кастанье, он был знаком с М. Чокаем еще в Туркестане, хорошо владел русским языком, в это время находился на службе в министерстве Иностранных дел Франции. Ж. Кастанье, вернувшись на родину (во Францию), параллельно с дипломатической работой занимался исследованием политической истории и культуры Средней Азии и Казахстана. И в обоих этих направлениях, и в установлении связей с государственными и общественными деятелями Франции, с некоторыми изданиями оказывает, М. Чокаю содействие. Например, Кастанье в Париже в журнале «Revue du monde musulmane» опубликовал статьи «Русская революция в Туркестане», «Большевизм и ислам» и на другие темы.

Один из самых первых материалов М. Чокая, тоже был опубликован в этом журнале. В предисловии к этой статье в пояснении об авторе сообщается, о приезде Мустафы в Европу в качестве «представителя казахов» [Есмагамбетов, 2008: 213] .

М.Чокай, побывав в различных кругах в Германии и Париже, выяснил целый ряд обстоятельств. Одно из них – полное отсутствие в Европе проектов, направленных против Советской власти; второе – социалистическая революция несколько не повлияла на капиталистический мир. Третье обстоятельство – страны Европы не имели полного представления о жизни, быте и освободительной борьбе народов, находящихся в СССР.

Отталкиваясь от этого, первое время статьи М.Чокая, опубликованные в эмигрантских изданиях «Дни» (А.Ф. Керенский) [ЦГА, Ф. 4, Д. 1. Л. 7], «Последние новости» (П.Н. Миллюков) и в др. о социально-экономической обстановке в Туркестане, о носильном навязывании в этом регионе Советской власти, о продолжении большевиками колониальной политики царского правительства, о целях и задачах национально-освободительного движения казахского, узбекского и др. народов, преследовали большую политическую цель: Разоблачая политику Советской власти, старается обратить внимание мировой общественности на проблемы тюркских народов в составе Советского Союза.

Первые три-четыре года Мустафа и Мария Яковлевна испытывали бытовые трудности. В 1923 году Г. Бырымжанов встретился с приехавшим в Германию Т. Рыскуловым и попросил у него материальной поддержки для М. Чокая. Тем не менее, Мустафа даже в самые трудные времена не просил никого о помощи. Чтобы не попасть в экономическую зависимость, он, будучи членом Учредительного собрания, не принял никакой помощи от А. Керенского, который успел в 1917 году вывезти за границу на депозит немалые средства [Чокай, 2001: 125].

М. Чокай с 1922-1923 года, начинает сомневаться в том, что «русская демократия» может стать надежным союзником в Туркестанском национальном движении. В основе этого лежит, по словам самого Мустафы, «непригодность русской демократии», толчком для открытого выражения мнения по этому вопросу казахским деятелям в эмигрантских газетах «Дни», «Последние новости» и др. стало опубликование статей против насмешек и пренебрежения туркестанцами.

М. Чокай, пережил особо ответственные моменты в становлении его мировоззрения и политических взглядов. В 1930 г. были опубликованы в эмигрантских изданиях даже такие статьи, в которых он стремился донести, что шовинистское, старое колониальное господство для нерусских народов «благо». В одной рукописи из личного архива М. Чокая, рассказывалось об односторонности в отборе материалов, напечатанных в газете «Дни» под руководством Керенского, особенно о том, что в материалах, в которых речь идет о народах подвластных Советской России «легко допускаются сплетни». В ней говорится, что «великая

русская душа Керенского не найдет покоя, если он в удобный момент не «пнет» М. Чокая, Эмин-бей Расулзаде и Аяз-бей Исхаки» [ЦГА, Ф. 4, Д. 1. Л. 13].

Мустафа Чокай в Париже выступает с докладом на собрании комитета «France – Orient». Доклад «О современном положении Туркестана» был опубликован в феврале 1930 г. в Bulletin Officiel du Comité «France – Orient». По приглашению Королевского института по международным делам 27 марта 1933 г. Мустафа Чокай выступает в Лондоне с докладом «Советский Союз и Восточный Туркестан». Он руководит Туркестанским Национальным Объединением (Union Nationale du Turkestan), созданным в Париже, публикует материалы о политике большевиков в Туркестане на английском и французском языках.

Благодаря разносторонней политической деятельности авторитет Мустафы Чокая в Европе был очень высок, он пользуется поддержкой польских, французских и германских властей.

В 1928 г. выходит в свет на французском языке монография М. Чокая «Chez les Soviets en Asie Centrale» («Туркестан под властью Советов») ставшая одним из первых разоблачений Советской власти в Туркестане и сразу же привлекла внимание международной общественности [ЦГА, Ф. 1, Д. 3. Л. 15].

Во французских периодических издания появились отклики. Газета «Попюлэр» в номерах от 2 и 3 сентября 1928 г. поместила материал Жана Лонгэ под названием «Русский империализм в Туркестане». Назвав монографию «отлично документированной», автор отзыва полагает, что «работа товарища Мустафы Чокаева клеймит сильнее всякого рассуждения» колониальную политику большевиков в Туркестане.

Французская «Журнал де Деба» от 8 октября 1928 г., назвав Мустафу Чокая свободолюбивым демократом, отмечает, что он «с чисто научной точностью вскрывает замаскированную правду... Систематическое преследование мусульман, полная эксплуатация туземного пролетариата, лживая аграрная реформа, сведшая к облегчению русского населения за счет туземцев, погибающих от нужды, поощрение невежества и пороков – вот результаты советского господства, которое с трех точек зрения – политической, социальной и экономической – должно быть осуждено всеми цивилизованными народами» [Садыкова, 2002: 32].

Кроме событий в Туркестане, Мустафа Чокай анализировал события и в Европе по двум причинам. Во-первых, советская Россия, продолжившая колониальную политику царского правительства в отношении Туркестана и других национальных окраин, являлась европейским государством. Во-вторых, чувства симпатии к народу Туркестана также имели место в европейских странах. Все это вселяло в него уверенность в том, что развитие событий непременно повлияет на судьбу советской России и, соответственно, на будущее народов советских азиатских республик.

В 1920-е гг. в жизни политической эмиграции из Советской России важную роль стало играть движение «Прометей», руководившего подпольной борьбой против СССР в 1926-1939 гг. и выделявшего значительные денежные суммы для этого. К 1927 г. была скоординирована деятельность национальных центров и началась регулярная публикация периодических изданий. Одним из этих изданий был журнал Туркестанского Национального Комитета (Объединения) «Яш Туркестан» («Молодой Туркестан»), выходивший в Берлине. Мустафа Чокай был членом ЦК Туркестанского Национального Объединения, а с 1929 г. стал руководить данной организацией [Hostler, Ch.W. Turkism and the Soviets, 1957: 128].

О значении деятельности движения «Прометей» для политической эмиграции из СССР Чарльз Хостлер пишет следующее: «Движение «Прометей» было серьезным единственным и мощным органом, который после 1926 г. имел возможность предоставлять помощь и защиту тюркским лидерам из Советского Союза. Поэтому большинство известных руководителей из

среды Тюркско-российских народов, сумевших эмигрировать за пределы СССР, были вовлечены в это движение. В результате чего ни одна тюркская группа из Советского Союза не осталась без внимания данной организации. Азербайджан был представлен партией «Мусават» и ее лидером Мехметом Эмином Ресулзаде. Северокавказские тюрки (также как большинство нетюркских племен Северного Кавказа) представлялись Саидом Шамилем, внуком Имама Шамиля. Крымские тюрко-татары были представлены Джафером Бейем Сейдахметом (Киримером) и казанские тюрко-татары – Аясом Исхаки. Туркестан представляли Мустафа Чокай Оглу (*Cokaioglu*), Осман Ходжа (*Osman Khodja*) и другие» [Мендикулова, 2006: 129]. Финансирование деятельности Лиги «Прометей» закончилось в 1939 г. с началом Второй мировой войны.

Историк С. Исхаков, на основе рассекреченных документов из Особого архива при Совете Министров СССР, пишет, что Чокаев стал безраздельно руководить Туркестанским Национальным Объединением (ТНО), «пользуясь поддержкой не только польской разведки (конкретно экспозитур № 2, созданной в 1929 г. для ведения разведывательной деятельности против СССР, - подразделения Отдела II (разведка) Генштаба Польши), но и со временем – французских и германских властей» [Мендикулова, 2006: 129].

Следует отметить, что Мустафа Чокай считался одним из самых сведущих лидеров туркестанской эмиграции в Западной Европе, который прекрасно разбирался в событиях, происходивших не только в Туркестане, но и в Сынцзяне. Такая характеристика ему была дана английскими дипломатами У.Е.Д. Алленом и Иденом в конфиденциальной переписке от 3 февраля 1932 г., обнаруженной проф., д.и.н. Г.М. Мендикуловой в Британском архиве *Public Record Office*. В этом же письме сообщалось, что Мустафа Чокай хорошо известен в Кабуле и имеет неофициальные связи (отношения) с посольством Японии в Париже.

Имеются сведения, что после прихода фашистов к власти в Германии в 1933 г. М. Чокай, приезжал в Берлин для встречи с Георгом Ляйббрантом, являвшегося начальником Восточного отдела Внешнеполитического управления НСДАП. Рассекреченные документы свидетельствуют о том, что германские власти ценили М. Чокая, который не прекращал поездок в Берлин [Из истории российской эмиграции. Письма Валидова и Чокаева, 1950: 11-18]. Однако не следует забывать, что в Берлине М. Чокай, выпускал журнал «Яш Туркестан», что объясняло его поездки туда. В одном из донесений Георга Ляйббранта в марте 1938 г. А. Розенбергу, М. Чокай, характеризовался как «вождь туркестанцев», «культурный и политически образованный человек. Однако турецкий ученый Абдухап Кара отрицает связь Мустафы Чокая с фашистскими властями [Кара, 2004: 190-191], обосновывая это тем, что в 1940 г. Чокай был арестован фашистами как английский шпион.

Интересна характеристика политической деятельности Мустафы Чокая, которую дала его супруга Мария Чокай: «Среди политиков бывают политики мира, к патриотам... Мустафа Чокай принадлежал к политикам мира, к патриотам... Мустафа был противником узколобого национализма. Он стоял на позициях единения народов Туркестана».

22 июня 1941 г., в день нападения Германии на Советский Союз, в Париже были арестованы около трехсот эмигрантов из России и в качестве «почетных заложников» заключены в замок Компьен [Садыкова, 2002: 60]. В этом же замке в течении трех недель содержался вместе с ними Мустафа Чокай.

О своем трехнедельном (с 22 июня до 13 июля) пребывании в замке Компьен Мустафа Чокай рассказал так: «Я познакомился с очень интересными людьми – как с русскими, так и иностранцами... У нас в Компьене на открытом воздухе устраивались замечательные лекции, политические диспуты. Я тоже прочел доклад о Туркестане». В середине июля того же года

немцы увозят из Парижа в Берлин, но только в конце сентября его допускают к попавшим в плен соотечественникам.

На предложение о сотрудничестве Мустафа Чокай, находясь еще в Париже, заявляет, что даст ответ только после встречи со своими пленными соотечественниками. Мустафа Чокай соглашается войти в состав комиссии по работе с военнопленными, прежде всего, по следующим причинам. Зная, что советская сторона, не подписав Женевскую конвенцию, лишила себя права иметь списки красноармейцев, Мустафа Чокай решает сам ознакомиться с условиями содержания своих соотечественников в концлагерях.

Далее впервые мы приводим полностью документ из личного архива Мустафы Чокая, который хранится Центральном Государственном архиве Республики Казахстан и архив INALCO. Bibliothèque Institute National des Langues et Civilisations Orientales – Archives Mustafa Chokay Bey (Библиотека Института восточных языков и цивилизации) [42, Л. 1-9].

Carton 2. Д. 2. Л. 1-9. Отрывок письма Мустафы Чокая при посещении лагерей военнопленных туркестанцев в 1941 году.

«Но война против советской России началась. Ее начал третий Райх, т.е. государство единственное способное материально и идеологически на эту войну и на ее победоносное завершение. Мы не хотели сомневаться в том что, в этой войне мы вместе с нашим народом находимся на одной стороне, разумеется, на противоположной Советам. А между тем сообщения с фронта говорят что «до последнего бойца дерущихся узбекских частях», о «киргизах, с какой то дикой яростью кидающихся на атаки»...

Что это: туркестанцы, еще не так давно ожидавшие войны против Сов. России как единственное средство избавления и от русского большевизма и от русского империализма, вдруг стали советскими патриотами. Откуда взялись все эти «узбекские», «киргизские» и др. «национальные воинские» части, которых, как мы знали, не было вовсе. Неужели русским большевикам удалось таки привить и к туркестанцам «яд советолубия».

Только встреча с военнопленными туркестанцами могла бы ориентировать нас относительно действительного положения в стране и настроения нашего народа и разрешить подкрадывающиеся в душу и тревожившее совесть сомнение, вызванное указанными выше сообщениями с фронта войны. И я, сидя еще в Париже, высказывал пожелание, чтобы германское верховное командование разрешило нам повидать наших соотечественников-военнопленных. Просьба эта была уважена. Разрешение посетить лагеря военнопленных получили не только мы туркестанцы, но и другие...

Посещение лагерей началось в конце августа, и за время до начала ноября мы успели побывать во многих лагерях и перевидать много десятков тысяч наших соотечественников...

Не без некоторой тревоги я шел на встречу со своими туркестанцами. И то сказать – 22 года отделяет меня от Туркестана, от живой встречи с Туркестанцами. За все эти долгие годы, исключая последних связь и контакт со страной только через посредство печати и изредка доходивших до нас писем. По ним мы изучали подсоветскую жизнь нашего народа. По реакции советской прессы на нашу деятельность можно было судить, что мы довольно хорошо знали происходившее в стране и верно ориентировались настроении народа.

Оправдывается ли этот наш «прогноз из далека», т.е. найдем ли мы в показаниях военнопленных подтверждение правильности нашей позиции относительно советов, и относительно России вообще, и, наконец, относительно будущего самого НАЦИОНАЛЬНОГО ТУРКЕСТАНА. Ведь мы шли к молодым людям, большинство которых родилось уже при советской власти и которые, если и слышали о нас что-либо, то только в изображении кривого зеркала русского большевизма. Найдем ли мы с ними общий язык понимания действительности.

Вот вопросы, которые прежде и больше всего занимали меня лично, когда во вторник 26 августа в составе комиссии под руководством штурбмама фюрера Гейбеля я выезжал из Берлина по направлению к Ганноверу. Не скрою, вопрос об устройстве военнопленных в лагерях для меня был «во втором ряду», ибо полагал в Германии, они должны быть устроены вполне нормально. И первая же встреча с военнопленными рассеяла мои сомнения относительно первой категории вопросов и обнаружила всю неудовлетворенность жизни военнопленных в лагерях.

Пленные туркестанцы делятся на две категории: *военнопленных красноармейцы, т.е. военнопленные в собственном смысле слова, и оказавшиеся в плену сосланные советским правительством на принудительные работы туркестанцы, осужденные советским судом рода анти-советские деяния и преступления, т.е. гражданские пленные*. Те и другие живут в одинаковых совершенно условиях. Ни в режиме, ни в праве на работу никакой разницы между ними нет. Живут люди обеих этих категорий в тесной дружбе. С трогательной заботливостью друг о друге говорили туркестанцы. Пожилые «гражданские пленные» просили меня проявить больше заботы о молодых военнопленных красноармейцах, ибо они нужнее для будущего строительства Туркестана, а красноармейцы проявляли много тревоги за судьбу «гражданских пленных как невинно страдающих», говорили военнопленные красноармейцы.

Подобное отношение друг к другу открытых врагов и официально долженствующих быть защитниками советской власти туркестанцев говорит о настрое нашего народа и его отношения к русскому большевизму значительно больше, чем листы их показаний.

Во всех почти лагерях, в особенности в лагерях большого скопления военнопленных туркестанцев (Просткой, Сувалки, Попеген, Дэбица, Деба и др.), меня узнали сразу. Одни узнали меня по фотографиям в советских изданиях, другие читали обо мне в большевистских изданиях. Среди пленных оказались даже двое моих близких родственников. Запомнили из-за советской компании против меня и против деятельности организации, которую я имею честь представлять и возглавлять. Благодаря этому между нами создалась атмосфера близости.

Военнопленные туркестанцы из уже состоявших в рядах Красной армии до начала этой (германо-советской войны от несколько недель до двух лет) и попавших на фронт по общей мобилизации уже после объявления войны. В осмотрении мной лично лагерях, вторых большинство. Девять из десяти по крайней мере из этих последних не умеет обращаться с винтовкой. Не умеют обращаться с винтовкой и значительно большой процент кадровых красноармейцев туркестанцев. Многие туркестанцы красноармейцы проходили воинскую службу во в нестроевом порядке: в обозах, в конюхах, поварах, в интендантстве на окладе.

«Какие мы солдаты, если за полтора года пребывания в красной армии год и даже больше, не знают и не понимают русского языка, т.е. языка команды».

Среди взятых в армию по мобилизации уже после войны очень много учащихся (низших, средних и высших учебных заведений), учителей начальных и средних школ. Есть инженеры, доктора медицины и артисты, которые не имели даже возможности переодеться и грим стереть с лица, стирали уже во время посадки их в вагоны. Это свидетельствует, с какой поспешностью советское правительство проводило мобилизацию и отправляло на фронт, на передовые позиции людей, совершенно не обученных воинскому строю.

По рассказу военнопленного: «нас было в одном классе педагогического института всего 15 человек туркестанцев. 26 июня явился в класс директор, велел нам выстроиться отдельно и ждать указаний военных властей. Через час нас прямо повезли на вокзал, посадили в вагон и отправили «для обучения воинскому строю». Куда именно нас везут, мы ничего не знали... В Самаре нам дали солдатские шинели и выдали винтовки. В Харькове винтовки отобрали якобы для русских, отправляющих на передовые позиции. Прошло

несколько дней, и нас высадили с поезда возле какого-то леса. Здесь нас обучали в течении трех дней, на четвертый день мы узнали, что командир наш сбежал, что мы находимся в немецком окружении. Нас всех вместе с присоединившимися в дороге оказалось несколько сот туркестанцев. Собрались и решили всем сдаться в плен».

Длинной вереницей тянутся передо мною военнопленные туркестанцы, и одни другого, дополняя, воссоздают трагическую картину страданий родной страны».

Следующий документ, который также приводится полностью и впервые является письмом Мустафы Чокая к Вали Каюмхану.

Carton 2. Д. 4. Л. 1-11. Copy of a letter from Chokay to Vali Kayyum Khan (Oct., 1941), concerning the plight of Soviet Muslim prisoners of war and some of their views, especially anti-Sovietism. Письмо Мустафы Чокая к Вали Каюмхану [ЦГА].

«Октябрь 1941 г. очень доверительно. Дорогой Вали.

Эти строки пишу для Вас лично и прошу очень держать их в большом секрете. Вы можете познакомить с их содержанием только тех из ваших друзей, с которыми вы по долгу ваших обязанностей, находитесь в личных близких и тоже доверительных отношениях, и то в том только случае, если они сами будут проявлять интерес вне предоставляемых Вами обычных «берехтов» о посещении лагерей военнопленных. Во всех других случаях сообщаемое здесь должно остаться в строгой тайне.

Теперь уже общеизвестно, что жизнь наших военнопленных соотечественников очень не нормальна и тяжела. Всюду они жалуются на плохую пищу и отсутствие одежды, огромное большинство бродят в полуголом состоянии, на отсутствие жилья (до сих пор - октябрь) во многих местах люди проводят целые сутки под открытым небом, укрываясь на ночь в вырытых ими самими в земле «волчьих ямах» и что особенно прискорбно, на плохое с ними обращение со стороны лагерной администрации. Порка за малейшее отступление от лагерной дисциплины и не редко расстрелы за невыполнение еще «преступления» - явления, уввы, ставшее обычным.

Мне рассказали во всех лагерях мною виданных, что уже при самом начале взятия в плен многих туркестанцев расстреляли на месте по внешнему сходству...с евреями. Еврейство находили еще в том, что туркестанцы, как все мусульмане всего мира, оказывались обрезанными. По этому поводу мне передавали трагический случай, когда раздевали и расстреливали по этому несчастному «признаку» туркестанцев, добровольно, с листовками, призывавшими их сдаваться немцам, отдавшимся в немецкие руки. Это происходило на фронте, где страсти разгораются, и требовать от солдат любой армии соблюдения всех правил гуманности трудно. Но, к сожалению, такие случаи передавали мне, имели место уже в лагерях.

Находились и другие поводы к расстрелу: это обвинение принадлежности к коммунистической партии, комсомолу и в очень редких случаях в том, что тот или иной туркестанец оказывался (будто) политрук.

Вы помните случай в Сувалках, где мы были вместе. Там начальником группы туркестанцев (их было свыше 2000 чел.) состоял русский офицер военнопленный, назначенный пленным советским генералом Богдановым. Богданов этот требовал, чтобы «на сегодня» было найдено скажем 5 туркестанцев активных коммунистов, разумеется, таковые «находились». Мы тогда вмешались в такого рода действия советского генерала, и Вы помните как офицеры, заведовавшие охраной лагеря, вняли нашим доводам и освободили двух уже ожидавших печального конца своей жизни. Молодых туркестанцев, передали нам в руки. Одного из этих офицеров звали Шрадер. Никогда нельзя забыть благородного жеста этих молодых офицеров, и я сохраню наилучшее о них воспоминанья.

В Эбенроде я видел 40 туркестанцев, выделенных и заключенных отдельно от остальной массы военнопленных. «За что вас поместили сюда» спрашивал я «не знаем» отвечали они в один голос, прерываемый слезами. Не знали и о причинах заключения и другие пленные. Лагерная администрация не дала по этому поводу никаких объяснений.

Передавать все виданное во всех лагерях было бы очень длинно. В общем картина одна и та же: всюду жалобы, жалобы, жалобы.

Два слова о пище для военнопленных. Выдаваемый им рацион, пожалуй, достаточен для того, чтобы поддержать жизнь. Умереть с голоду нельзя при условии, если бы военнопленные имели теплое одеяние, жилые помещения. Они ведь попали в плен после изрядного истощения в «советском раю». Мне рассказывали пленные туркестанцы, как отвратительно их кормили в советских казармах. Особенно печально было положение забранных в армию по мобилизации уже после начала военных действий и отправленных прямо на фронт на передовые позиции. Всю дорогу из далекого Туркестана до фронта их кормили скверно. Горячей пищи не было. Свинины, которой давали им, они не ели. Консервы оказались протухшими. На фронте им раздали сухари, которых они трогать не имели права раньше 5 дней. Полевая кухня никогда не успевала за ними. Трогать неприкосновенный запас люди боялись, ибо за преждевременный израсход питания полагался расстрел. Кормили туркестанцев вовремя их обучения отвратительно. Объясняли это тем, что они еще не настоящие красноармейцы не умеют еще, как следует обращаться с винтовкой. По счастью, многие из наших соотечественников попали в плен в первые дни прибытия на фронт и не успели, поэтому изголодаться. А теперь те, которые дольше пробыли на ученье, те полуистощены. Вот почему организм их требует больше питания. Вот почему рацион военнопленных им не достаточен.

Вы сами помните, как в Простоке доктора нам рассказывали о практикующемся «людоедстве» среди русских военнопленных. Наши до этого не дошли, надеюсь никогда не дойдут...

Из посещенных мною в последнее время лагерей относительно благополучно в Ярославле и Деба. Последний лагерь называется «рабочей командой». Лагерная администрация наших хвалит их мораль, их поведение. Не было еще случаев попыток к бегству с их стороны.

«Смертность от болезней среди них также не редкость. Но жизнь лагерная здесь тяжела».

Это было важно для того, чтобы воочию увидеть отношение немецкой стороны к его соотечественникам. От этого зависела также мера доверия Мустафы Чокая к нацистам и, соответственно, характер ответа на предложение о сотрудничестве. Однако все увиденное ввергло Мустафу Чокая в крайне удручающее, подавленное состояние. При бесчеловечном обращении немцев с пленными туркестанцами ни о каком его сотрудничестве с немецкой стороной, ни тем более об участии в создании легиона либо Туркестанского Национального Комитета не могло быть и речи. Мустафа Чокай сумел составить списки военнопленных, собрать и засвидетельствовать на бумаге факты зверского обращения фашистов с военнопленными (не только туркестанскими) и оставить все это Марии Яковлевне.

Carton 2. Д. 4. Л. 1-11. Письмо Мустафы Чокая к Вали Каюмхану [ЦГА].

Самое страшное я видел в лагере Дебиса. Здесь живут только кавказцы, туркестанцы и волго-уральские т.е. те, которых каждодневная «вохеншауная» агитация в кинотеатрах обзывают дикими носителя большевистской «заразы».

Я приехал в Дебису утром в пятницу 19 октября несколько раньше других членов комиссии, не дожидаясь их приезда. Я с Гейбелем и чинами администрации лагеря отправились в лагерь. Все военнопленные были собраны в колонны. Туркестанцы сразу узнали меня. Никто, конечно, из них меня никогда в жизни не видел. Многие плакали. Я

несколько позже узнал и понял смысл слез. Послышались голоса: «спасите нас». Мы здесь все погибнем. Нас расстреляют. Я им ответил, что они не погибнут, ибо находятся в дружественной настроенной в отношении нас Германии. Заметил, что мой ответ их не успокоил.

Это было до полудня. После полудня я вернулся обратно в лагерь один. Заведующий лагерем высказал мне полное удовлетворение поведением наших и сказал, что на работу он берет только туркестанцев, как самых отличных работников и хороших людей...

Первые же непосредственно разговоры с нашими раскрыли мне жуткие картины тамошней лагерной жизни. Расстрелы без конца. Из рассказов наших, а также военнопленных татар, кавказцев видно, что из около 4000 тысяч прибывших сюда человек осталось в живых около 25000 человек, остальные погибли.

Дисциплина во всех лагерях строгая. Такой она и должна быть, но здесь в Дембице строгость доведена до крайних пределов. Я не имею права критиковать действие лагерной администрации».

«Во всех лагерях военнопленным запрещается близко подходить к проволочным ограждениям. За это сурово наказывают. Но в Дембице в этом случае просто открывают огонь. Однажды во время моего пребывания среди военнопленных был убит один, а другой тяжело ранен. Убитый туркестанец, оказывается, очень близко подошел к проволоке. Другой раз один туркестанец-студент по дороге с работы нагнулся завязать свои обмотки, мешавшие ему идти. За нарушение порядка в строю, он был пристрелен тут же...

Нет сил передавать отдельные случаи бессмысленных расстрелов в Дебице. Каждый раз, уходя из лагеря, я видел несколько трупов с разможженными черепами.

Один трагический случай запечатлелся в моей памяти. Ко мне подходит один из наших. Хромает сильно на одну ногу. Он был ранен в лагере. Пуля застряла в ноге. Со слезами на глазах он просит меня спасти его, ибо завтра «достреляет». Откуда знаешь, что тебя застрелят, спрашиваю я его. Он отвечает: «Завтра наша группа идет на баню. Должен идти, а я хромаю, не могу идти в строю, не отставая от других, я не в состоянии, за это буду застрелен в пути...если же я не пойду в баню, то меня приведут в «изолятор» где тоже верная смерть. Спасите...». Эта маленькая история со мной сразу объясняет трагедию наших военнопленных. Видя их трагедию и точно на показ и на устрашение трупы расстрелянных у самых ворот лагеря, я решил забыть нанесенный мне удар...

Вот положение в Дембице. Рядом с ним бледнеют и забываются безотрадные зрелища, виданные нами в других лагерях. Перед ужасом кажущейся неминуемым расстрелом Дембице военнопленные не жалуются собственно ни на что другое. Единственное их желание и просьба быть переведенными в другой лагерь «Пусть переведут нас в Ярослав» умаляли они.

Переведены ли они, действительно в Ярослау, где комендант лагеря майор Захс производит впечатление человека весьма гуманного. Сколько военнопленных в Дембице осталось еще в живых...».

Мустафа Чокай в ходе посещения лагерей составил списки военнопленных из Туркестана с указанием фамилий, имён и лагерных номеров. Из многочисленных списков в диссертации приводится лишь две таблицы, характеризующих социальный и профессиональный состав казахов, попавших в плен в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны.

ЦГА РК Архив Мустафы Чокая. Списки военнопленных 1941 г. Carton 2. Dossier 1. Л. 10-13.

Таблица 1 – Список военнопленных казахов 5 блока.

№	ФИО	Образование	Специальность	Национальность	№ coten
1	2	3	4	5	6
1	Курамысов Валитхан	среднее	учитель	казах	Блок 5
2	Канатбаев Карис	высшее	инженер	казах	-//-
3	Турганбаев Хаит	среднее	счетовод	казах	-//-
4	Карекешев С.	7 кл.	физрук	казах	-//-
5	Хаирекешев С.	5 кл.	повар	казах	-//-
6	Ахметов Турсун	среднее	бухгалтер	казах	-//-
7	Заурбеков Азмухан	среднее	учитель	казах	-//-
8	Арап-Макеш Билди	среднее	агроном	казах	-//-
9	Калиев Баден	7 кл.	ст. пекарь	казах	-//-
10	Садыкбеков У.	7 кл.	учитель	казах	-//-
11	Утепсанов Мамбет	5 кл.	рыболов	казах	-//-
12	Елиманов Сандыбай	высшее	педагог	казах	-//-
13	Халдаров Д.	среднее	кр-н	казах	-//-
14	Исмурзаев С.	8 кл.	помощник-машиниста	казах	-//-
15	Кубашов Кабдин	высшее	учитель	казах	-//-

Л. 11

1	2	3	4	5	6
16	Игенбаев Купа	среднее	учитель	казах	-//-
17	Нурбергенов Е.	среднее	кр-н	казах	-//-
18	Нурханов Б.	5 кл.	инженер	казах	-//-
19	Аймагамбетов А.	среднее	кр-н	казах	-//-
20	Дюйсенгалиев С.	-//-	зоотехник	казах	-//-
21	Шакбаев Т.	-//-	-//-	казах	-//-
22	Бисенов Дусбай	высшее	учитель	казах	2
23	Ахметов Мамбетали	среднее	-//-	казах	2
24	Турниязов К.	9 кл.	секр.	казах	-//-
25	Алиакбаров А.	7 кл.	тракторист	казах	-//-
26	Жандалов Ш.	8 кл.		казах	-//-
27	Кашинбаев З.	2 кл.	тракторист	казах	-//-
28	Ансбаев Е.	7 кл.	слесарь	казах	-//-
29	Жанбарбаев З.	8 кл.	шофер	казах	-//-
30	Казанбетов А.	7 кл.	-//-	казах	-//-
31	Рахматуллин А.	высшее	ст. зоот.	казах	1
32	Суйнишев Б.	3 кл.	тракторист	казах	2

Л. 12

1	2	3	4	5	6
33	Жайсанов Ш.	высшее	не разборчиво трак.	казах	2
34	Таиров Абдельмажит	4 кл.	не разборчиво	узбек	
35	Дуйсенов Х.	4 кл.	санитар	казах	2

36	Дуйсегалиев А.	4 кл.	-//-	казах	2
37	Белекбаев К.	4 кл.	повар	казах	2
38	Ибатуллин И.	среднее	земстр.	-//-	3
39	Искалиев Д.	среднее	учитель	-//-	4
40	Таженов И.	5 кл.	тракторист	-//-	4
41	Сагжанов Ж.	среднее	повар	-//-	4
42	Арстангалиев Д.	-//-	учитель	-//-	5
43	Габдуллин Я.	-//-	-//-	-//-	5
44	Бисенбаев М.	-//-	токарь	-//-	5

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
45	Касенов С.	-//-	учитель	-//-	1
46	Куржанов К.	6 кл.	пекарь	-//-	2
47	Мендибаев Г.	7 кл.	шофер	-//-	7
48	Менбаев Я.	Среднее	учитель	-//-	2
49	Кергизбаев А.	4 кл.	тракторист	-//-	11
50	Казанбаев У.	среднее	учитель	-//-	2

Л.13

1	2	3	4	5	6
51	Мукашев К.	Среднее	студент	казах	1
52	Искаиров К.	-//-	мех	казах	4
53	Аманбаев К.	4 кл.	шофер	казах	22
54	Койшгулов Н.	4 кл.	шофер	казах	1
55	Умурзаков Л.	9 кл.	учитель	-//-	4
56	Джаксенбаев М.	высшее	учитель	-//-	1
57	Азинбаев А.	среднее	повар-пекарь	-//-	4
58	Жубаниязов А.	2 кл.	шофер	-//-	1
59	Исламов К.	среднее	-//-	-//-	22
60	Куттумбетов А.	-//-	учитель	-//-	1
61	Рахимов А.	-//-	шофер	-//-	1
62	Исен А.	-//-	счетов.	Абарец	
63	Исмаилов Х.	6 кл.	учитель	-//-	
64	Ахметов А.	среднее	-//-	казах	
65	Абандуллаев К.	среднее	литер.	Казах	
66	Сареев Т.	5 кл.	шофер	-//-	
67	Амангалиев Н.	высш.	Педагог	-//-	
68	Асанов С.	8 кл.			
69	Исаратов К.	5 кл.	рабочий	-//-	
70	Умбетов Е.	6 кл.	токарь	-//-	2
71	Ергалиев Ж.	6 кл.	писарь	-//-	4

Таблица 2 – Список 8 группы имеющие среднее и высшее образование [ЦГА, Л. 14].

№	ФИО	Образование
1	Бакиев Т.	высшее
2	Мухтаров Ахмаджан	высшее среднее

3	Рустамов Абдурахман	среднее
4	Хусанов Ергашбай	среднее
5	Нурматов Бегмат	среднее
6	Нурматов Ядгар	высшее среднее
7	Джуманиязов Искандар	среднее

Продолжение таблицы 2

1	2	3
8	Назаров Салижан	среднее
9	Азизов Ошанкул	среднее
10	Абдурахманов Гулан	высшее среднее
11	Норамов Файзулла	среднее
12	Пулатов Тулаган	среднее

И еще по списку 26 человек. Среди них казахов по фамилии трудно определить.

Существует мнение, что Мустафа Чокай поставил условие нацистским лидерам: не использовать «Туркестанский легион» в боевых действиях против СССР, пока немецкие армии не дойдут до Урала. Однако спустя несколько дней после его смерти, 30 декабря (по документам, приводимым в книге Б. Садыковой «История Туркестанского легиона в документах» данный приказ был подписан 22 декабря 1941 г.) 1941 г. Верховное Командование вермахта приказало образовать «Туркестанский Легион», состоящий из туркмен, узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и таджиков, а уже в мае 1942 г. Туркестанский Батальон под номером 450 сражался против партизан около Ямполья (Украина).

В архиве Мустафы Чокая найдено письмо совершенно секретно которое было написано лично Вали Каюмхану. В этом письме Чокай рассказывал ему о казахах военнопленных, как они содержались в лагерях.

Carton 2. Д. 4. Л. 1-11. Письмо Мустафы Чокая к Вали Каюмхану [ЦГА].

Наше положение, дорогой Вали, ужасное. Наши военнопленные передают о гибели, в буквальном смысле слова, нашей нации под властью большевиков. Об этом мы знали раньше и вели неустанно, в течений свыше 20 лет борьбы против большевизма, которого одним из орудий стал русский большевизм.

Мы видим в лагерях здесь сынов нашего народа нашей несчастной поработанной родины. ....

Военнопленные туркестанцы являются, по нашему мнению, весьма важным капиталом в руках Германии. Сама судьба передала ей много тысяч туркестанцев. При их – военнопленных непримиримом антибольшевизме, и при нашем, из них можно было бы создать отличный кадр борцов пропагандистов за новый демократический мировой порядок. Если положение не изменится, если пропаганда с экранов кино против «средне-азиатских варваров» будет продолжаться и приносить плоды как в Дембице, то я боюсь последствий всего этого не только для нас, и нашего народа – нашей страны...

У нас другого выхода нет, кроме того, на котором мы стоим, который мы всегда призывали наш народ. Кстати в Погегене и Дембице оказались туркестанцы, которые читали «Яш Туркестан». Двое из них (один писатель, другой педагог) сказали мне:

- Вы нас все время звали в Европу. Вот и Европа, мы в ней. Смотрите как с нами здесь обращаются.....

Да, у нас нет другого пути, кроме пути анти-советского кроме желания победы над Сов. Россией и над русским большевизмом. Пусть этот помимо нашей воли проложен из Германии. И он усеян трупами расстреливаемых в Дембице.

Тяжела, дорогой Вали, наша задача. Но мы должны все же продолжать выполнение нашей задачи, не сворачивая с взятого нами пути.

После страшного зрелища в Дембице я хотел бы забыть все остальное. Ибо кажется не значительным. Незначительным я считаю такой факт, как «раздача украинским священником в Ленберге изголодавшимся туркестанцам... нательных крестов обнадеежив их за ношение улучшением питания», и эти несчастные туркестанцы из носили...

Мелкая и жалкая спекуляция на людском несчастье. Можно было бы пройти молча мимо этого факта, если бы не знали, что ведь и это считается... защитой западной культуры и «очеловечением средне-азиатских дикорей».

Помните Вали, что все сообщаемое пишется только для Вас. Мустафа Чокай».

И его опасения оказались ненапрасными. 22 декабря 1941 г. Мустафа Чокай с высокой температурой поступает в берлинскую больницу «Виктория». В этот же день подписывается приказ о создании ряда легионов, в том числе Туркестанского. 27 декабря 1941 г., то есть через пять дней после поступления в больницу, Мустафа Чокай умирает [Садыкова, 2002: 228]. Мустафа Чокай был похоронен в г. Берлине 2 января 1942 года.

Выводы. Мустафа Чокай, в свою очередь, показал себя не только интеллектуалом, но и патриотом своей родины, кому дороги идеалы человеколюбия, добра и справедливости. Большую роль в том, что труды Мустафы Чокая не были утеряны в годы лихолетья Второй мировой войны, и дошли до наших дней. Его целью было создание независимой национальной государственности в Туркестане. Мустафа Чокай боролся за свободу казахского, узбекского и других тюркских народов, приложил все усилия, чтобы раскрыть мировой общественности скрытые стороны политики большевиков в советской России по отношению к нерусским народам. С именем Мустафы Чокая связано создание «Туркестанского легиона» из военнопленных во время Второй мировой войны. Именно труды Мустафы Чокая дают объективную характеристику этим процессам, нанеся серьезный ущерб историческому сознанию народа. По этой причине необходимость изучения политологического наследия Мустафы Чокая, является потребностью времени. Наибольший интерес для историков представляет опять политической деятельности Мустафы Чокая в рядах антибольшевистского движения «Прометей», объединившего на территории Европы глав национальных единиц, разгромленных Красной армией в период с 1917 по 1921 г. Идеология прометеевского движения была направлена на формирование у борющихся за национальное самоопределение народов гражданской культуры.

В заключении можно привести слова Мустафы Чокая, которые могут восприниматься как напутствие: «Самый большой недостаток и самое большое несчастье вообще и в особенности в политике – это не уметь или не хотеть видеть объективных трудностей и своих собственных недостатков. Можно быть смелым, можно быть блестящим политическим оратором, но если нет умения или, что хуже – желания видеть объективные трудности и субъективные ошибки, смелость превращается в безумие, ораторство – в пустозвонную демагогию. Вот то, чего должны избегать мы – туркестанцы. Видеть трудности – это значит бороться с ними, искать вернейшее средство победить их. Видеть свои недостатки – значит стремиться преодолеть и не повторять их. И то и другое требует длительной и упорной подготовки» [Чокай, 2001: 131].

Список использованной литературы

- Центральный государственный архив Республики Казахстан. Архив INALKO. Библиотека института восточных языков и цивилизации (Архив Мустафы Чокая). Ф 1. Д. 1-8. Лл. 9-15 с об. Личные записи Мустафы Чокая. Д. 2-4 Л. 11. «Copy of a Letter from Chokay to Vali Kayyum Khan (Oct., 1941), concerning the plight of Soviet Muslim prisoners of war and some of their views, especially anti-Sovietism» содержится письмо Мустафы Чокая к Вали Каюмхану под грифом «совершенно секретно»; Ф. 2. Д. 2. Л. 1-9. Отрывок письма Мустафы Чокая при посещении лагерей военнопленных туркестанцев в 1941 году; Ф. 2. Д. 4. Л. 1-11. Письмо Мустафы Чокая к Вали Каюмхану // Центральный Государственный архив Республики Казахстан. Архив INALKO. Библиотека Института восточных языков и цивилизации (Bibliothèque Institute National des Langues et Civilisations Orientales – Archives Mustafa Chokay Bey).*
- Абдуллаев, Р. М. Агзамходжаев, С. С. Алимов, И. А. и др. (2000). *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. Науч. ред. Р. Я. Раджапова. Ташкент: Шарк, 671 с.
- Есмагамбетов, К.Л. (2008). *Алем таныган тулга*. Алматы: Дайк-пресс, 501 с.
- Яш Туркестан. (1949-1950). *Сборник к 60-летию со дня рождения Мустафы Чокая*. Париж: Издательство Madame Tchokay. 7, sq. de la Fontaine, Nogent sur Marne (Seine), 33 с.
- Мендикулова, Г.М. (2006). *Казахская диаспора: история и современность*. Алматы: Реиз, 342 с.
- Садыкова, Б. (2002). *История Туркестанского легиона в документах*. Алматы: Кайнар, 247 с.
- Чокай, М. (2001). *Я пишу Вам из Ножана...* Алматы: Кайнар, 208 с.
- Чокаев Мустафа. (1928). *Туркестан под властью Советов*. Chokayev, Mustafa. The Basmachi Movement in Turkestan // Asiatic Review. № 24. P. 273-288.
- Кара, А. (2004). *Мустафа Шокай*. Алматы: «Арыс», 317 с.
- Чокаев Мустафа. (1950). Туркестан // Яш Туркестан. *Сборник к 60-летию со дня рождения Мустафы Чокая*. Париж: Издательство Madame Tchokay. 125 с.
- Из истории российской эмиграции*. (1999). Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924-1932 гг.) М.: РАН, 128 с.
- Hostler, Ch.W. (1957). *Turkism and the Soviets*. 244 p.

REFERENCES

- Central state archive of the Republic of Kazakhstan*. Inalko archive. Library of the Institute of Oriental languages and civilization (Archive of Mustafa Chokai). F 1. D. 1-8. ll. 9-15 s. Personal records of Mustafa Chokay. D. 2-4 L. 11. "Copy of a Letter from Chokay to Vali Kayyum Khan (Oct., 1941), concerning the plight of Soviet Muslim prisoners of war and some of their views, especially anti-Sovietism" contains a letter from Mustafa Chokay to Vali Kayum Khan under the heading "absolutely secret"; F. 2. d. 2. l. 1-9. Excerpt of a letter from Mustafa Chokai when visiting the Turkestan pow camps in 1941; F. 2. D. 4. L. 1-11. The letter of Mustafa Chokai to the Wali Caymano // Central State archive of the Republic of Kazakhstan. Inalko archive. Library of the Institute of Oriental languages and civilization (Bibliothèque Institute National des Lanques et Civilisations Orientales – Archives Mustafa Chokay Bey).
- Abdullayev, R. M. Agzamkhodjaev, S. S. Alimov, I. A. etc. (2000). *Turkestan at the beginning of the XX century: to the history of the origins of national independence*. Scientific ed. by R. Ya. Rajapova. Tashkent: Sharq, 671 p.
- Esmagambetov, K. L. (2008). *Alem tanygan Tulga*. Almaty: Daik-press, 501 p.
- Yash Turkestan. (1949-1950). *Collection for the 60th anniversary of the birth of Mustafa Chokai*. Paris: Publisher Madame Tchokay. 7, sq. de la Fontaine, Nogent sur Marne (Seine), 33 c.
- Mendikulova, G. M. (2006). *Kazakh Diaspora: history and modernity*. Almaty: Reiz, 342 p.
- Sadykova, B. (2002). *History of the Turkestan Legion in documents*. Almaty: Kainar, 247 p.
- Chokai, M. (2001). *I write to You from Nozhan ...* Almaty: Kainar, 208 p.
- Mustafa Chokaev. (1928). *Turkestan under Soviet rule*. The Basmachi Movement in Turkestan // Asiatic Review. No. 24. R. 273-288.
- Kara, A. (2004). *Mustafa Shokai*. Almaty: "Arys", 317 p.
- Mustafa Chokaev. (1950). *Turkestan // Yash Turkestan. Collection for the 60th anniversary of the birth of Mustafa Chokai*. Paris: Publisher Madame Tchokay. 125 p.
- From the history of Russian emigration*. (1999). Letters of A.-Z. Validov and M. Chokaev (1924-1932) Moscow: RAS, 128 p.
- Hostler, Ch. W. (1957). *Turkism and the Soviets*. 244 p.